

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

СТР. 2
РЕДКАЯ ГОСТЬЯСТР. 3
ОСЕНЬ В ДЖАЗОВЫХ ТОНАХСТР. 3
КОРОЛЕВСКИЙ КОНЦЕРТСТР. 4
ХРИСТИАНИН ВЕРЫ
ЕВАНГЕЛЬСКОЙ

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНКУРС ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО: НОВАЯ МУЗЫКА

Разговоры вокруг XIV Международного конкурса имени Чайковского не утихают до сих пор. Еще долго это главное культурное событие ушедшего года будет являться причиной многих обсуждений и споров. На мой взгляд, интересной темой для беседы могут послужить специально сочиненные для этого конкурса произведения, входившие в программу II тура. Напомню, что для виолончелистов свое сочинение

ПЕРВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

лось сравнить его исполнения двумя победителями: *Даниилом Трифоновым* (I премия) и корейкой *Йол Юм Сон* (II премия) — ее прочтение жюри оценило как лучшее.

Интерпретация каждого прежде всего отличалась своим звучанием и драматургическим замыслом. У Д. Трифонова стальная звук, сухость, четкость ритмической пульсации, непоколе-

Помимо этих двух исполнений, пожалуй, отмечу еще одно, которое также сильно выделялось среди прочих. Это — интерпретация *Филиппа Копачевского*. Он особенно интересно строил драматургию пьесы, уделяя пристальное внимание мотивам, щедро расставляя акценты, играя с темпом... Это исполнение было привлечено своим «режиссерским» подходом, что не могло не вызвать горячую симпатию и даже восторженный прием слушательской аудитории.

Первое прочтение специально, как бы для тебя лично сочиненных произведений выявляет настоящий дар художника. Конкурсанты становятся ответственными за судьбу музыки, выпуская ее «в свет» из-под своих пальцев. Они должны ощутить композиторский замысел как свой, проявить настоящее «охотничье» чутье к новому нотному тексту. Ведь нередко бывает и так, что именно исполнитель открывает в произведении то, что подчас совершенно неведомо самому автору.

Наталья Сторчак,
студентка IV курса ИТФ

В музыкальном искусстве судьба новейшего произведения во многом зависит от исполнения. В этом есть своя закономерность: к примеру, если пианист неважно сыграет Третью сонату Шопена, публика будет его упрекать, но ей и в голову не

придет критиковать композитора. А что происходит с современной, только что написанной пьесой? В случае неудачи все «шишки», как правило, летят в автора: дескать, «что это он такое напечатал?» И это происходит потому, что у публики в сознании нет стереотипа, она не знает, как это должно исполняться.

Концертная пьеса «Чайковский-этюд» Родиона Щедрина сразу попала в руки сильных пианистов, прошедших во второй тур конкурса. Далеко не многие ее исполнения показали убедительными. Прислушиваясь в антрактах к репликам публики, я с огорчением заметила, что не все поняли и приняли это произведение. Некоторые удивлялись названию «Чайковский-этюд», говоря, почему бы не назвать эту пьесу просто «этюдом»? Очевидно, они не уловили интонационных связей с творчеством П. И. Чайковского, в частности, с фортепианной пьесой «Песнь жнецов» из цикла «Времена года» ор. 37а № 8.

Однако несколько превосходных исполнений произведения Щедрина обратили на себя внимание. Я хотела бы рассказать о двух из них — непохожих друг на друга, но очень убедительных, впечатляющих своей продуманностью. Это исполнения *Александра Лубянцева* и *Франсуа-Ксавье Пуазы*. Оба пианиста осмыслили и прочувствовали эту музыку по-разному.

А. Лубянец, артист, обладающий утонченным вкусом и истинной музыкальностью, всегда очень чуток к деталям. Ни единую ноту не обделяет он своим вниманием, и при этом целостность концепции ничуть не страдает. Его благородное туше — украшение любой кантилены — сохраняет свою певучесть даже в самых быстрых темпах, благодаря чему возникает такой феномен как поющие пассажи. Исполнение пьесы Щедрина дало ясную и целостную картину всех интонационных деталей произведения, которые он показывал с помощью мельчайших агогических отклонений, детализации и индивидуализации штриха. Под пальцами Лубянцева «Чайковский-этюд» заиграл всеми оттенками, не давая уснуть воображению слушателя.

Ф.-К. Пуаза, напротив, мыслит это произведение как токкату. Это ощущалось в интонационном послы исполнителя, трактовавшего фортепиано скорее как ударный инструмент, что свойственно традициям исполнительских школ Испании и отчасти Франции — родины пианиста. Он строго придерживался темпа, который взял в самом начале, и сделал упор на яркие динамические контрасты и виртуозность. На протяжении почти всей пьесы пианист сохранял и единство штриха — отрывистого, точного, очень подходящего для исполнения пьес токкатного типа.

Несмотря на различие интерпретаций А. Лубянцева и Ф.-К. Пуазы, в них было и нечто объединяющее — *неравнодушие* артистической природы к произведению искусства, стремление дать ему жизнь, прочесть не только то, что в нотах, но и то, что скрыто за этими нотами. Это умеет далеко не каждый. Особенно когда дело касается современной музыки, которую мы пока что — увы! — знаем так мало... Давайте же будем учиться понимать и любить произведения современности, делать все возможное, чтобы они обрели свою жизнь в настоящем и будущем!

Ирина Шашкова-Петерсон,
студентка IV курса ИТФ

Йол Юм Сон

предоставил Кшиштоф Пендерецкий («Violoncello totale»), для скрипачей — Джон Корильяно («Stomp»), а для пианистов Родион Щедрин сочинил «Чайковский-этюд».

«Перед нами стояла задача не из легких: написать такое сочинение, чтобы конкурсанты могли показать не только свои технические возможности, но и ощущение драматургии целого, а также сориентироваться в авторских агогических и темповых обозначениях, — рассказывает в одном из интервью Родион Константинович. — Мне думается, что для такого престижнейшего соревнования, как конкурс Чайковского, писать бирюльки неуместно. Технически это очень непростое сочинение. Но если аппарат пианиста позволит, оно прозвучит очень эффектно. У рояля 88 клавиш. Я не считал, но, по-моему, у меня использованы все до одной...»

«Чайковский-этюд» — виртуозное сочинение, на разучивание которого конкурсантам давалось всего несколько дней. Он прозвучал в 12 различных интерпретациях! И мне захоте-

бимый темп создают совершенно особый облик этой музыки: с одной стороны, она вызывает ассоциации именно с техническим этюдом, с другой — возникает механический, бездушный образ. Трифонов в своем исполнении чрезвычайно скуп на акценты (в отличие от многих других исполнителей этой пьесы), что по-своему интересно. Такая трактовка, воспринимаемая как драматургическая задумка исполнителя, напрочь лишает произведение всякой человечности и теплоты и держит слушателя в неослабевающем психологическом напряжении.

Если у Трифонова «Чайковский-этюд» получился как бы черно-белым, то у Йол Юм Сон он раскрашен в разные цвета. Здесь также господствует четкость пульсации, также чувствуется энергия, но она иного толка. Музыка играет, переливается, живет. Нервный, местами страстный звук наполнен теплотой. Это особенно захватывало слушателя, потому что пианистка музицировала наизусть (в отличие от Трифонова, который играл по нотам).

Александр Лубянец

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ГАРМОНИЧНЫЙ ДУЭТ

23 сентября в Конференц-зале Рахманиновского корпуса состоялся концерт «Русский романс от Глинки до Прокофьева». В самом маленьком, но очень красивом и уютном зале Московской консерватории солистка Большого театра Елена Брылева исполнила известные романсы под мастерский аккомпанемент профессора Ирины Кирилловой. Провела «встречу в музыкальной гостиной» ее «хозяйка» — профессор И. А. Скворцова.

Вот уже одиннадцатый год как в Конференц-зале каждый месяц проходят концерты, так или иначе связанные с историей и современной жизнью Московской консерватории. Своим мастерством демонстрируют не только ведущие профессора разных факультетов, но и их студенты, аспиранты и выпускники. Встречи в музыкальной гостиной, по сути, представляют собой традицию салонного музицирования. Небольшой зал, в котором исполнители находятся в двух шагах от слушателей, как нельзя лучше способствует созданию особой

атмосферы сопричастности искусству.

За время существования «Гостиной» темы встреч были самые разнообразные — премьера вокального цикла И. Соколова «Далекая дорога», выступление «золотого дуэта» профессоров консерватории Е. Сорокиной и А. Бахчиева, ансамбля старинной музыки «La squadriglia», ансамбль флейт «Сирикс», вечер музыки для фагота и многое другое. Здесь выступали профессор Фортпианного факультета Д. Сахаров, Е. Кузнецова, В. Гинзбург, Е. Натансон и А. Любимов; профессора Оркестрового факультета К. Рыбаков, А. Рудин и Л. Раков, З. Шихмурзаева, М. Яшвили и В. Попов, профессора Вокального факультета Г. Писаренко, П. Скусниченко, К. Кадинская. Сентябрьским вечером Е. Брылева и И. Кириллова романсами Глинки, Танеева и Римского-Корсакова, Чайковского, Рахманинова и Прокофьева открыли в музыкальной гости-

ной новый сезон концертов «Мастера вокального искусства».

Обе исполнительницы — выпускницы Московской консерватории: летом 1981 года И. Кириллова окончила Фортпианный факультет и

сразу стала концертмейстером в классе Н. Л. Дорлиак, а осенью в этот класс поступила первокурсница Е. Брылева. С тех пор прошло немало лет. Елена Брылева исполнила практически все партии главных сопрановых

героинь в оперных шедеврах (Виолетта, Джильда и Лауретта, Марфа, Снегурочка, Царица ночи и мн. др.). Она пела в миланском театре Ла Скала и Венской государственной опере, в театре Шатле в Париже и Норвежской опере, в Операх Кельна, Нанта, Ниццы, была солисткой дюссельдорфского театра «Немецкая опера на Рейне», с 1991 года — солистка оперной труппы Большого театра, где в настоящее время имеет гостевой контракт. Ирина Кириллова стала лауреатом международных конкурсов в Париже и Гааге, выпустила более 70 учеников, провела немало мастер-классов на территории России и за рубежом.

Елена Брылева унаследовала истинную музыкальность, изысканный артистизм и душевное благородство, присущие исполнению Нины Львовны Дорлиак. Дуэт Брылева — Кириллова невероятно гармоничен и сложен. Их мастерству в тот вечер не смогли помешать ни звуки автомобилей, доносящиеся из окон гостиной, ни отсутствие давно обещанного кондиционера.

Ангелина Шкетик,
студентка V курса ИТФ

ДВЕ ПРЕМЬЕРЫ

19 октября Большой симфонический оркестр им. П. И. Чайковского под управлением Владимира Федосеева выступил на Фестивале Большого зала консерватории. В концерте прозвучали музыка Малера и сразу две премьеры современных композиторов: три драматических фрагмента Романа Леденева «Последний полет» и вокально-симфоническая сюита для баритона с оркестром Гии Канчели «Не печалься» (российская премьера).

«Последний полет» Роман Леденев создал в 2009 году в память о Марии Валентиновне Распутиной — дочери выдающегося русского писателя, которая трагически погибла в авиакатастрофе в Иркутске в 2006 году. Марию Валентиновну очень много связывало с Московской консерваторией: сначала она здесь училась, потом работала. Вест о том, что ее нет в живых, потрясла многих.

Композитор попытался передать всю горечь потери, которые пережили ее близкие, родные и друзья. И это действительно получилось. В музыке много трагизма, но есть и моменты светлой лирики (к примеру, самое начало). Несмотря на то что автор определил жанр сочинения как «три драматических отрывка», оно воспринималось очень целно. Зал в этот вечер был полон. Слушатели сумели по достоинству оценить премьеру сочинения и тепло приветствовали композитора.

Вокальный цикл Гии Канчели «Не печалься» создавался по заказу Симфонического оркестра Сан-Франциско и впервые прозвучал в 2002 году. Тогда солировал Дмитрий Хворостовский. Московская же публика услышала известного латышского певца, солиста Латвийской оперы Эгила Силиньша.

Цикл построен по принципу рондальности. Функцию рефрена выполнял «грозный» эпизод на «ff», которым открылось сочинение. По контрасту с его наступательной энергией звучали лирические фрагменты, например, светлая тема на словах: «Но видит Бог, есть музыка над нами». Это казалось очень символическим — такое звучание можно было и вправду уподобить волшебной, божественной музыке. Всех присутствующих в зале покорила красота сочинения, которым завершилось первое отделение концерта. Можно сказать, что в этот вечер современная музыка и слушатель нашли друг друга.

Во втором отделении в прекрасном исполнении прозвучала Первая симфония Малера. Это классическое произведение очень органично вошло в программу концерта и не воспринималось как резкий контраст по отношению к премьерам современных композиторов.

Снежана Сунцова,
студентка IV курса ИТФ

НОВАЯ МУЗЫКА

РЕДКАЯ ГОСТЬЯ

Просмотрев афишу всех консерваторских залов на несколько месяцев вперед, убеждаешься: современной музыке в ней отведено весьма скромное место. В основном мелькают имена Баха, Бетховена, Моцарта, Шумана (нередко отдельные произведения и даже целые программы звучат несколько раз за сезон). Чтобы встретить сочинения новых авторов (как русских, так и европейских), приходится потрудиться.

Консерватория ежегодно выпускает 10-15 молодых композиторов — где же звучать их музыке, как не в стенах Alma Mater? Однако она нередко вообще остается неисполненной либо звучит в филармонических залах, галереях современного искусства, на различных площадках страны и даже Европы — словом, везде, кроме консерватории. К сожалению, это наши реалии, но бывают и приятные исключения.

Одним из таких исключений стал сентябрьский музыкальный фестиваль «Творческая молодежь Московской консерватории». В рамках форума были заявлены не только выступления молодых исполнителей, но и композиторский концерт, посвященный творчеству выпускников 2011 года, а ныне аспирантов Композиторского факультета, лауреатов всероссийских и международных конкурсов Александра Хубеева и Николая Попова.

Концерт состоялся 19 сентября в Рахманиновском зале. Первое впечатление заставило задуматься — лестница перед входом в зал была заполнена гостями: здесь были и профессора, и студенты, и просто заинтересованные слушатели. Такой публикой мог бы гордиться любой исполнитель — понимающая, чуткая, готовая к адекватному восприятию. На всем протяжении концерта в зале царил сосредоточенный, но в то же время доброжелательный атмосфера. Причем, по словам орга-

низаторов и исполнителей вечера, никакой специальной работы по приглашению слушателей не проводилось — обычные афиши, обычная интернет-рассылка... Это еще раз подтверждает неоспоримый факт: современная музыка интересна слушателю и очень востребована. При правильной подаче.

Николай Попов

В концерте приняли участие два коллектива — «Ансамбль ударных инструментов» под руководством Марка Пекарского и ансамбль «Галерея актуальной музыки» под руководством Олега Пайбердина. Программа была выстроена очень умно: чередовались пьесы с электроникой и без нее, с видеорядом и без него; звучала и собственно акустическая музыка. В процесс чередования были вовлечены и исполнители — ансамбли также попеременно сменяли друг друга.

Композиторы представили слушателям актуальный продукт для своего времени: новые формы, новые звуки, новые возможности в сочетании инструментов. Были использованы и видеоряд, и электроника, и элементы инструментального театра. Естественно, для осуществления замыслов, отвечающих сегодняшним реалиям, необходимо соответствующее техническое оснащение. Оно было предостав-

лено Центром электроакустической музыки Московской консерватории, которым руководит профессор И. Л. Кефалиди. Было сделано все, чтобы заинтересовать слушателя, погрузить его в состояние чего-то нового, порой эпатажного.

По словам А. Хубеева, его интересует, что именно в звуке можно использовать как объект. Нередко за основу берется необычный материал. Например, в пьесе для ансамбля ударных «Glassary» автор создал своеобразный словарь приемов игры на стаканах, что отражено в названии (оно образовано от «glass» / стакан / и «glossary» / словарь /). Для ее исполнения необходимы 8 стаканов, 6 пластиковых карточек, 4 смычка, 4 спицы и 4 линейки. На протяжении сочинения композитор находит все новые инварианты их звучаний. Первая и заключительная часть — монотембровые, в них использованы разнообразные приемы игры лишь на стаканах; в среднюю часть вовлекаются другие названные предметы.

Украшением вечера стала музыка к польскому анимационному кино второй половины XX века. В работе над фильмом «Kundelku ujadaj retelko gob pieklo» А. Хубеев оттолкнулся от структуры изображения, которая состоит из шести блоков. К

Александр Хубеев

каждому из них композитор создал тембровую зарисовку, исходя из единства звука и «картинки». А в мультфильме «Флаг молодых», созданном в 60-е годы (реклама популярного печатного издания), компози-

тор Н. Попов избирает другой путь. Изображение пестрит хроникой того времени, а музыка представляет собой единый крещендирующий пласт, в котором, как некий символ эпохи, время от времени возникают ритмы танго.

В завершение концерта прозвучала пьеса Н. Попова «Incendo» для ансамбля ударных, название которой означает «закливание огня». В ней присутствуют все знаковые составляющие ритуала: господство ритма с разнообразием метроритмических структур, напластование фактур, крещендирующая форма, приводящая к грандиозной кульминации. Блестящее исполнение Ансамблем Марка Пекарского сделало премьеру этого сочинения ярким финальным акцентом.

Слушатели уходили из зала совсем не уставшими. Наоборот, их лица не покидало выражение крайней заинтересованности и осмысления. Казалось, они готовы совершить еще одно увлекательное интеллектуальное путешествие. И невольно возник вопрос: «Почему же современная музыка — столь редкая гостья в наших стенах?»

Однозначного ответа здесь нет и быть не может. Ясно одно: сейчас все держится на энтузиазме небольшой группы композиторов и исполнителей, а нужна система. Необходим выход из замкнутых культурных пространств отдельных городов. Музыка наших выпускников должна занять важное место в концертных программах консерватории, должна звучать. Иначе структура образования (всего несколько концертов в год на пять курсов факультета!) закольцовывается и кусает сама себя за хвост. Пришла пора перемен.

Алина Булахова,
студентка IV курса ИТФ

ДРУГАЯ МУЗЫКА

ПРИЗРАК ОПЕРЫ

Уже 25 лет на сцене *Her Majesty Theatre* в Лондоне идет мюзикл Эндрю Ллойда Уэббера «*Phantom of the opera*». Всемирно известная, в том числе благодаря фильму 2004 года, фантастическая история о Парижском оперном театре до сих пор собирает почти полный зал зрителей. Так было и на недавнем спектакле, который мне довелось посетить.

Постановка (режиссер Харольд Принс, хореограф Джилиан Линн) действительно отличается высоким качеством. Красивые костюмы и богатые декорации производят неожиданное впечатление. Эффектное и яркое зрелище захватывает внимание зрителя и не отпускает до конца представления.

Спектакль больше похож на кино, чем на театр. Использовано много спецэффектов. Например, когда новый директор театра начинает чтение письма Призрака, через

пару фраз появляется видимый только зрителям сам Призрак и чтение продолжается уже его голосом, от его лица. Или сцена, где Кристин в своей гримерной просит Призрака показаться ей:

он, появляясь как отражение в зеркале, забирает ее сквозь стекло. Хотя вспышки и взрывы, которых было достаточно, конечно, эффектнее вживую, а не на экране. А уж чисто театральная кульминация в конце первого акта — падение люстры, поднятой со сцены над партером

и только в последний момент улетающей обратно, — наверное, останется незабываемой для сидевших под ней зрителей.

Особенность этой постановки в том, что перед нами мюзикл об опере. Поэтому в ней сочетаются очень разнообразные голосовые возможности: есть и разговоры, и

пение, и крики, и смех, и шепот. Голоса не у всех красивы, но это и не обязательно. Надо показать разницу в пении главных героев (Кристин и Призрака) и остальных персонажей. Эта задача была решена очень хорошо: второстепенные персонажи, например «директоры», поют полуговором, а подруга Кристин Мег — естественным (не поставленным) голосом, но очень искренне. Особо комическое значение имеют партии примадонны Парижской оперы Карлотты и тенора Убальдо Пианджи, их утрированно-эмоциональное пение с преувеличен-

ными движениями рук и ног. На бис Анна исполнила на органе популярную джазовую пьесу, прозвучало довольно оригинально, публика оживилась, и пришло время джаза. Вторую половину вечера на сцене блистало трио Фармаковского. Три инструмента вели беседу, словно три человека. Один — модно одетый денди, второй — англичанин в шляпе-котелке, а третий — знаменитый американский джентльмен. Именно он задавал настрой беседе. Англичанин был четок и пунктуален и «вставлял свои реплики» вовремя и по делу, поражая своим блестящим «языком». Первый же, хоть и вязкожно солировал, зачастую «общался невнятно». Зато втроем они были неотразимы и сливались в одно изысканное джазовое целое.

ним вибратором. Интересный момент связан со сценой, где Кристин на репетиции поет робко и тихо «Think of me», а потом ее голос становится крепче, увереннее и она оказывается уже на своем дебюте.

Приятно было то, что артисты пели живьем, играл настоящий оркестр с дирижером. Сочетание классических инструментов с электронным звучанием сначала было непривычным, но на самом деле оно очень органично вписывалось в замысел: электронный звук использовался как тембр Призрака, тогда как акустические инструменты были связаны с реальными персонажами.

Конечно, публике нравится и сама музыка Э. Л. Уэббера — многие песни («*Angel of music*», «*Masquerade*» и др.) давно стали хитами. А для любителей мелодрам «Призрак оперы», вероятно, еще на долгое время останется одним из самых притягательных мюзиклов.

Марина Пак,
студентка IV курса ИТФ

ОСЕНЬ В ДЖАЗОВЫХ ТОНАХ

В англиканской церкви Святого Андрея, что неподалеку от Московской консерватории, состоялся необычный концерт под

названием «Осень в джазовых тонах». Организаторы соединили в одной программе совершенно разные жанры и стили. В первой поло-

вине вечера вниманию слушателей предстала органная музыка, а во второй — джаз! Казалось бы, что может быть экзотичнее?!

Сначала царил классическое церковное звучание. В исполнении Анны Суловой, лауреата международных конкурсов, мы услышали произведения Баха, Вивальди и токкату Мюлле. В очередной раз меня поразило звучание органа в стенах католического собора, особенное, нежеле в концертном зале, — казалось, будто они созданы друг для друга. Техника исполнительницы была практически безупречна, особенно интересно было наблюдать за легкостью

движения рук и ног. На бис Анна исполнила на органе популярную джазовую пьесу, прозвучало довольно оригинально, публика оживилась, и пришло время джаза.

Вторую половину вечера на сцене блистало трио Фармаковского. Три инструмента вели беседу, словно три человека. Один — модно одетый денди, второй — англичанин в шляпе-котелке, а третий — знаменитый американский джентльмен. Именно он задавал настрой беседе. Англичанин был четок и пунктуален и «вставлял свои реплики» вовремя и по делу, поражая своим блестящим «языком». Первый же, хоть и вязкожно солировал, зачастую «общался невнятно». Зато втроем они были неотразимы и сливались в одно изысканное джазовое целое.

Прозвучали пьесы Паркера, Эллингтона, Керна, а в завершение — джазовая обработка музыкальной темы из кинофильма «Профессор» самого Ивана Фармаковского. В отличие от классических джазовых тем она была нестандартной для импровизации, постоянно хотела выбиться из квадрата и протянуться подольше. Было интересно, как все инструменты пытаются удержать тему, которая так и хотела вырваться на свободу.

Такие вечера в англиканской церкви проводятся не впервые. Органная музыка звучит каждую неделю, но организаторы стараются не только заинтересовать, но и удивить публику. В этот раз громкие аплодисменты стали очевидной высокой оценкой состоявшемуся концерту.

Елена Заярная,
студентка IV курса ИТФ

КОРОЛЕВСКИЙ КОНЦЕРТ

В начале октября в Крокус Сити Холл прошел концерт Лондонского королевского филармонического симфонического оркестра с программой *Symphonic QUEEN*. Звучали шедевры популярной британской рок-группы «Queen» в симфонической обработке. Под управлением Мэтью Фримана были исполнены почти все известные хиты — «*We Will Rock You*», «*Bohemian Rhapsody*», «*We Are the Champions*» и многие другие.

Практика переложения популярных песен для этого коллектива не нова — тем же составом ими исполняются, например, композиции группы «ABBA». И на этот раз, благодаря блеску новых красок и обогащению необычными тембрами, звучание знаменитых хитов в оркестровом изложении приобрело совсем иное качество.

Конечно, концерт был ориентирован на поклонников группы «Queen». Поэтому музыканты и дирижер, как могли, веселили публику, привлекая ее к участию в

шоу. Чаще всего зрители, узнав ту или иную песню по первым звукам, начинали аплодировать и свистеть от восторга. Однако далеко не все было так легко узнаваемо.

Многие действительно известные хиты, как, например, «*Bohemian Rhapsody*», немного «пострадали» из-за не слишком удачной инструментальной обработки: в тех фрагментах, где тема должна звучать ярко, мелодия либо была поручена тихому инструменту (флейте, кларнету), либо просто не качественно исполнена. Это также можно объяснить не вполне добротной работой звукорежиссера, поскольку многие композиции были заглушены басовыми инструментами.

Не стоит забывать и о вокальной природе инструментальных обработок — не все песни могут звучать так же хорошо, как в оригинале. Вероятно, это отразилось и на выборе репертуара — видимо, по этой причине так и не прозвучал долгожданный «*The Show Must Go On*»...

Классический оркестр, безусловно, получал явное наслаж-

дение от исполнения популярной музыки. Вполне оправданно выглядел его состав, где, кроме основных инструментов и усиленной партии контрабаса, были привлечены электрогитара, синтезатор и ударная установка. Особую роль играл ансамбль вокалистов, который, одновременно, выполнял тембральную функцию и, как носитель вокального начала, участвовал в припевах.

Очень интересно было не только слушать, но и смотреть на происходящее на сцене, поскольку и сам дирижер, и оркестранты «зажигали», создавая красочно-энергетическое действие. Дирижер, как танцор диско, на протяжении всего концерта «пританцовывал» за своим пультом, а его подопечные, не занятые в той или иной композиции, вставали со своих мест, прихлопывали и притопывали, жестами призывая присоединиться к ним весь зал. Например, в песне «*We Will Rock You*» дирижер, положив

свою палочку, повернулся к зрителям лицом и стал выбивать знаменитый ритм ногами и руками, приводя всех в полный восторг. Запомнилось, как в один момент слушатели, не сговариваясь, озарили огромное темное пространство сотнями светящихся огоньков от фотоаппаратов и сотовых

телефонов. Это, в свою очередь, восхитило музыкантов.

Концерт прошел по-королевски. Все присутствующие словно слились в едином «творческом процессе», и казалось, что где-то рядом с ними действительно была группа «Queen» с ее неподражаемым Фредди Меркьюри.

Полина Харитонова,
студентка IV курса ИТФ

В ЧЕРЕДЕ СОБЫТИЙ

В ДЕНЬ МУЗЫКИ

3 октября в ДМШ имени А. К. Лядова состоялся концерт педагогов, посвященный Дню учителя и Дню музыки. Вступительным словом о значении профессии педагога-музыканта открыла вечер преподаватель теоретических дисциплин и ведущая Л. О. Слабкая.

Приведя весомые аргументы о необходимости и пользе музыкальных школ, Любовь Олеговна объявила первый номер: «*Лядов. Прелюдия. Вальс. Мазурка. Сочинение № 57. Исполняет Наталия Фоломешкина*». Неудивительно, что именно сочинения Лядова, в честь которого названа школа, оказались исполненными первыми. Несмотря на обилие рубатов и некоторых текстовых неточностей, на заметное волнение исполнительницы, пьесы прозвучали достаточно цельно и гармонично.

Следующей выступала Наталья Кольчева, чьи легкие пальцы, играя Прелюдии Рахманинова *Ges-dug* и *c-moll*, вызвали ассоциации то ли с мерцающими переливами воды, то ли с кружением осенних листьев. Хотя все-таки ощущалась скованность в исполнении и некоторая «правильность» звучания. Это и понятно, педагогам-пианистам не так часто приходится бывать на сцене, как пианистам концертирующим. Однако похвально их рвение играть, делиться со слушателями своей интерпретацией музыки.

Три фантастические пьесы Шумана ор. III прозвучали в исполнении Марьяны Куинджи. Она музицировала вдохновенно, переживая каждую музыкальную фразу. Сыгранность и творческое содружество проявили коллеги Мария Сусь и Елена Телкова, очень эмоционально сыграв Вальс Гаврилина из цикла «18 зарисовок для фортепиано в 4 руки».

Разбавил атмосферу фортепианной музыки вокальный номер: Наталья Давыдова с большим артистизмом спела романс Алябьева «Я вижу образ твой». В завершение концерта на сцене эффектно появились две дамы, облаченные в нарядные национальные костюмы. Это были Юлия Вагранская (гитара) и Елена Мартыанова (гусли), исполнившие зажигательную пьесу Малайрова «В латиноамериканских ритмах». Вызвав у слушателей море позитива и ощущение праздника, они так же эффектно и удалились.

Прекрасно, что на концерте были и ученики школы, и их родители. Они не только смогли получить удовольствие, но и увидеть своих преподавателей в действии и еще раз убедиться, как это замечательно — владеть инструментом и с его помощью открывать тайны музыки. Мне кажется, такие концерты должны проходить как можно чаще, вдохновляя окружающих, даря радость приобщения к музыкальной культуре.

Наталья Русанова,
студентка IV курса ИТФ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ХРИСТИАНИН ВЕРЫ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ

Три года назад мне довелось встретиться с одним очень интересным человеком. Тогда он мне показался самым обычным, тихим и малозаметным студентом нашей консерватории, однако со временем стал все больше привлекать мое внимание. Неожиданно на лекциях по истории искусств этот тихий армянский мальчик вдруг проявил незаурядные знания об истории христианства, а в один из дней он вошел в аудиторию весь обвешанный сумками, поверх которых висел альт. Вскоре я узнал, что он учится на Композиторском факультете и носит необычное имя — Рачья.

Рачья Есаян действительно в повседневной студенческой жизни мало отличается от других. Разве что из-за своих тяжелых сумок, в которых почти каждый день можно найти какую-нибудь интересную партитуру, он выглядит сильно уставшим, будто пробежавшим марафон, а во время ходьбы переваливается с ноги на ногу. Но на самом деле это человек, обладающий широчайшим кругом талантов. Он не только композитор, но также альтист, дирижер, высокообразованный

во многих областях человек, увлекающийся новыми информационными технологиями, историей и культурой своего народа, добрый, остроумный, приятный в беседе и истинный христианин.

Мне не сразу удалось познакомиться с его музыкой и воочию убедиться в его разносторонних талантах. Долгое время я знал, что он просто один из композиторов с нашего курса, сочиняющий какую-то музыку. Но вдруг я получил от него приглашение на концерт в галерее А. Шилова. Поначалу я даже не совсем понял, что это за приглашение: галерея Шилова, в ней концерт композиторов нашего курса, Рачик — дирижер и альтист, звучное название оркестра «Grosso», — все это вызвало во мне одновременно удивление, недоверие и восхищение.

Придя на концерт, я увидел, что все по-настоящему реально. В прекрасном зале, среди картин я впервые услышал произведения своих однокурсников и получил большое впечатление от квартета своего друга под названием «Воскресение Христова». С того момента я понял, что Рачья — настоящий талант и что его музыка, в отличие от многих современных авторов, полна глубокого содержания и искреннего чувства. В ней было все то, что я считал важнейшим в музыке, и то, что вызвало в моей душе резонанс.

Позже я узнал о нем много интересного, что еще больше укрепило меня в высокой оценке его дарования. Родился Рачья в Москве, в очень музыкальной армянской семье. Благодаря родителям получил хорошее образование, знание нескольких языков, в том числе армянского, прошел серьезную школу любимой им с детства скрипки и был воспитан глубоко верующим и почитающим христианские идеи человеком.

Трудности жизни и стремление к идеалу прекрасного с ранних лет пробудили в Рачье талант к творчеству. Поступив в колледж имени Гнесиных как альтист, он стал активно заниматься композиторской деятельностью, посещать уроки дирижирования, находя при этом время для дружеских встреч, на которых можно было в ансамбле поиграть любимую музыку эпохи барокко. За три года факультативных занятий композицией появилось более 20 произведений, среди которых симфоническая поэма, трио, хоры, соната, «Баллада» для шести альтов и «Кончерто grosso» для камерного оркестра.

Последнее из названных сочинений стало знаковым для всей дальнейшей жизни Рачьи. Благодаря ему он смог убедиться в значимости своих творческих устремлений и укрепиться в своих идеях. Именно «Кончерто grosso» заставило его впервые попробовать себя в новом качестве дирижера. И именно это сочинение сплотило друзей и помогло организовать настоящий камерный оркестр под родственным названием — «Grosso».

Вера в Бога, к которой Рачья, «христианин веры Евангельской», сознательно обратился в 14 лет, и вера в собственные силы («Бог мне помогает в том, что я делаю по воле Его») помогли молодому композитору достичь во всем больших успехов. Ныне он учится на третьем курсе Композиторского факультета, часто выступает в концертах со своим оркестром, активно сочиняет музыку. Он верен своим идеям «взаимоотношений человека с Богом», «зарождения прекрасного», «поиска Истины», а также идеалам, заложенным в музыке барокко, особенно Баха, армянской музыке и музыке Шостаковича, Стравинского, Хиндемита... И его личность может стать примером («я примером быть не хочу, и человек им быть не может!») для многих, кто ищет свой истинный путь в этом мире.

Ярослав Станишевский,
студент IV курса ИТФ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

ОН ВОСПИТЫВАЛ В НАС ЛИЧНОСТЬ

*Уходят люди... Их не вернуть.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать.*

Е. Евтушенко

Стихотворением «Людей неинтересных в мире нет» завершился в концертном зале Колледжа при консерватории вечер памяти **Валентина Борисовича Шаркова**. Именно в этот день — 28 сентября — минуло 40 дней со дня смерти замечательного ученого, историка, Учителя, необыкновенного человека.

Трудно говорить и писать о том, кто еще вчера при каждой новой встрече приветливо улыбался и с интересом спрашивал, как идут дела, как складывается жизнь выпускника за пределами стен училища. О том, кто в твоих мыслях жив. Невозможно поверить и писать, понимая, что этого человека ты больше никогда не увидишь.

Практически весь училищный путь студента любого отделения в «Мерзляковке» проходил под крылом Валентина Борисовича. «Мировая художественная культура», «История Отечества», «Музыкальная география»,

«Основы экономики, социологии, политологии» — предметы не первой необходимости для будущего музыканта, однако В. Б. Шарков как никто понимал всю ошибочность этой точки зрения. В юношах и девушках, поставивших себе цель нести людям музыку, Валентин Борисович пытался воспитать не профессионалов своего дела — это была не его специализация. Он делал больше — воспитывал человека, личность в каждом из нас. И сам был Личностью, интеллигентом во всех смыслах этого слова. Он любил то, чем занимался, любил горячо и самоотверженно и стремился поделиться своей любовью. Так, готовя вместе с Валентином Борисовичем своими силами концерт, студенты колледжа узнавали малоизвестную музыку Латвии, так зародилась традиция ежегодных мерзляковских рождественских и пасхальных чтений — вечеров со стихами, рассказами и, конечно, музыкой...

В училище В. Б. Шарков пришел в непростые годы и проработал там 11 лет. До этого он долгое время трудился в Историческом музее (отзвуки его музейной деятельности частенько проникали в лекции, придавая им неповторимый живой колорит). Не раз Валентин Борисович устраивал и настоящие «практические занятия» — экскурсии по различным местам Москвы для студентов. А как интересно было на четвертом курсе — дорости до возможности самостоятельно подискутировать с любимым педагогом на лекциях по основам социологии!

Каждый раз, встречая Валентина Борисовича на концерте, я обязательно подходила к нему пообщаться, поделиться впечатлениями от современной музыкальной жизни, а иногда просто вспомнить пролетевшие годы обучения. Он интересовался публикациями в «Трибуне», поддерживал меня — как ученый, исследователь, сам не раз сталкивавшийся с написанием статей, он понимал, насколько важны реакция, отзывы на прочитанное. Последний раз я видела его в июне — издала, в амфитеатре обновленного Большого зала на одном из туров конкурса Чайковского. И как же теперь жалею, что именно в тот раз не нашлось возможности подойти и пообщаться...

Но жизнь есть жизнь, и каждый человек завершает земной путь в свое время. Нам же остается только не забывать, хранить память об ушедших дорогах нам людям. Хочется сказать большое спасибо организаторам концерта — преподавателю колледжа Марии Львовне Ежовой и его выпускнице, ныне студентке I курса ИТФ Московской консерватории Марии Зачиняевой — и желать, чтобы этот вечер, наряду с мерзляковскими чтениями, стал ежегодной традицией. А главное — возможностью выразить свою любовь и благодарность.

Валентин Борисович, спасибо Вам за то, что были в нашей жизни!..

Ольга Ординарцева,
студентка III курса ДФ

На фото: В. Б. Шарков ведет экскурсию для студентов колледжа. Крутицкое подворье, 10 мая 2009 г.

ДЕЛО ЖИЗНИ

Полгода назад не стало **Ирины Авериевны Писаревской**, одного из самых замечательных педагогов Колледжа имени Гнесиных.

Ирина Авериевна родилась в Ленинграде в 1947 году. В 1968 году закончила ГМУ им. Гнесиных как пианистка и теоретик. Свое обучение она продолжила в Московской консерватории, которую окончила в 1973 году по специальности «музыковед-теоретик», где ее педагогами были Ю. Н. Холопов, В. Н. Холопова, В. П. Бобровский и др.

Ирина Авериевна преподавала в училище музыкальную литературу, а именно двадцатый век в зарубежной и русской музыке. Ее лекции всегда были очень увлекательными, интересными, в рассказе о том или ином произведении чувствовались личные симпатии, личное отношение к музыке. Ирина Авериевна учила мыслить самостоятельно, свободно, выражать свои собственные идеи, а не говорить заученными школьными фразами. Для нас, еще совсем юных ребят, это было особенно ценно. Устные зачеты по музыке обычно начинались с того, что она ставила перед студентом ноты на попир рояля и

сразу, не давая как-либо подготовиться и что-то подсмотреть, с улыбкой говорила: «Ну, рассказывай!»

Во многом благодаря Ирине Авериевне я открыла для себя музыку А. Н. Скрябина, С. В. Рахманинова, Н. Я. Мясковского, С. С. Прокофьева. До сих пор помню, с каким восторгом и увлечением она рассказывала об опере «Война и мир»! Я уверена,

что любовь к этой музыке сохранится в моей душе на всю жизнь.

Особенно мне запомнились наши семинары по романсам Танеева, Рахманинова, когда мы в классе кроме докладов устраивали небольшие концерты, помогая друг другу либо петь, либо аккомпанировать тот или иной романс. К таким урокам мы старались готовиться очень тщательно, репетируя наши исполнения по много раз. Ирина Авериевна всегда поощряла нашу инициативу. Будучи сама замечательной пианисткой, она подавая пример личного знакомства с произведением.

Всегда подтянутая, стройная, немного суховатая женщина с теплыми карими глазами — именно такой она запомнилась своим ученикам. Лично для меня она остается родным, искренним и очень чистым человеком. Время проходит, уходят лучшие Учителя... Но они остаются в нас, в учениках, в нашей памяти и в такой же преданности своему делу жизни.

Ксения Косарева,
студентка IV курса ИТФ

Главный редактор:
профессор Т. А. Курышева
Ответственный редактор:
доцент М. В. Щеславская
Оригинал-макет: М. В. Переверзева
Сдано в печать 18.11.2011

125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13
Интернет: tribuna.mosconsrv.ru
Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-37913
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА
НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА